

РИЧАРД БРОТИГАН

18+

СЛЕДСТВИЕ СОМБРЕРО

От битника до Паланика

Ричард Бротиган
Следствие сомбреро

«Издательство АСТ»

1976

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Бротиган Р.

Следствие сомбреро / Р. Бротиган — «Издательство АСТ»,
1976 — (От битника до Паланика)

ISBN 978-5-17-152427-2

Американский юморист, опечаленный уходом подруги-японки, начинает писать забавную историю о том, как однажды на главную улицу провинциального городка падает с неба заледеневшее черное сомбреро. Недовольный своим сочинением, писатель выбрасывает рукопись в мусорную корзину. А история, родившаяся у него в голове, начинает раскручиваться сама по себе, уже без его участия. Сомбреро постепенно теплеет, и вокруг собираются люди...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-152427-2

© Бротиган Р., 1976

© Издательство АСТ, 1976

Содержание

Сомбреро	6
По-японски	8
Призрак	9
Моряк	10
Стёрка	11
Дышать	12
Пригород	13
Оригами	14
Девушка	15
Мэр	16
Ягоды	17
Гамбургеры	18
Карьера	19
Работа	20
Веник	21
Бар	22
Дышать	24
Юмор	25
Будущее	26
Замók	27
Квартира	29
Дюймы	30
Книги	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ричард Бротиган

Следствие сомбреро

Richard Brautigan
SOMBRERO FALLOUT

© Richard Brautigan, 1976
© Renewed. Ianthe Brautigan, 2004
© Перевод. А. Грызунова, 2022
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Этот роман – для Дзюньбитиро Танидзаки, который написал «Ключ» и «Дневник безумного старика»¹.

---

¹ Дзюньбитиро Танидзаки (1886–1965) – японский писатель и драматург. «Ключ» (*Kagi*, 1956) и «Дневник безумного старика» (*Fūten rōjin nikki*, 1961) – его поздние романы, в которых речь идет о нереализованной сексуальности и человеческой невестребованности. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Сомбреро

«Сомбреро упало с неба и приземлилось на Главную улицу городка перед мэром, его родичем и одним безработным человеком. Пустынный воздух натер день до блеска. Синело небо. Синело, как человечесьи глаза, которые ждут, когда что-нибудь произойдет. Сомбреро упало с неба нипочему. Ни самолет, ни вертолет над головой не пролетали, и религиозного праздника тоже не случилось».

Первая слеза собралась в его правом глазу. Этот глаз всегда начинал плакать первым. За ним левый. Это любопытно, решил бы он, если б знал, что правый глаз плачет первым. Левый глаз плачет так скоро вслед за правым, что он не знал, какой глаз начинает, хотя первым плакал всегда правый.

Он был очень восприимчив, но недостаточно восприимчив, чтоб уяснить, какой глаз плачет первым. Ну, если возможно этот обрывочек информации превратить в какое-то определенное восприимчивости.

«— Это что, сомбреро? — спросил мэр. Мэры всегда заговаривают первыми, особенно если в политике им не подняться выше должности мэра крохотного городишки.

— Да, — сказал его родич, который сам желал быть мэром.

Человек без работы ничего не сказал. Он ждал, куда подует ветер. Не хотел раскачивать лодку. В Америке остаться без работы — это вам не шутки.

— Оно упало с неба, — сказал мэр, глядя в абсолютно ясное синее небо.

— Да, — сказал его родич.

Человек без работы ничего не сказал, потому что хотел работу. Не хотел рисковать теми смутными шансами ее получить, что у него имелись. Для всех лучше, если болтать будут важные шишки.

Три человека поозирались, но не нашли ни одной причины, зачем бы сомбреро падать с неба, включая человека без работы.

Сомбреро на вид было совсем новое.

Лежало посреди улицы, маковкой уставившись в небеса.

Размер: 7¼.

— Чего это с неба падают шляпы? — спросил мэр.

— Не знаю, — ответил его родич.

Человек, который остался без работы, приглядывался, налезет ли шляпа ему на голову».

Теперь плакали оба глаза.

О господи...

Он потянулся к пишмашинке — так гробовщик застегивает ширинку мертвецу в гробу — и вытащил лист бумаги, на котором было все, что здесь написано, кроме его плача, о котором он и не подозревал, поскольку в последнее время много плакал; все равно что выпить стакан воды — выпиваешь ненароком, когда пить не хочется, а потом и не помнишь.

Он разорвал лист бумаги, где было все, что вы прочли о сомбреро. Разорвал очень тщательно, на мелкие клочки, и бросил на пол.

Завтра утром он начнет заново, напишет о чем-нибудь другом, без всяких упавших с неба сомбреро.

Его работа — писать книги. Он прославленный американский юморист. Не найти книжного магазина, где нет хотя бы одной его книги.

И чего он тогда ревет?

Ему что, славы мало?

Ответ довольно прост.

Ушла его японская подруга.

Бросила его.

Вот почему слезы наворачивались ему на глаза, которых он уже и не помнил, разве что по слезам, – теперь, с тех пор как ушла японка, слезы приключались каждый день.

Иногда он столько плакал, что ему чудилось, будто ему это снится.

По-японски

Когда Юкико спала, ее волосы спали вокруг нее долго и по-японски. Она не знала, что ее волосы спят. Протеину тоже требуется отдых. Она так не рассуждала. Мысли ее, если вдуматься, были очень просты.

По утрам она расчесывала волосы.

Это она проделывала перво-наперво, едва проснувшись. Всегда очень старательно их расчесывала. Иногда собирала в узел на макушке, совсем по-японски. Иногда распускала, и они доставали до самой попы.

В Сан-Франциско – вечер, самое начало одиннадцатого. Капли тихоокеанского дождя стучали в окно у постели, но Юкико не слышала, потому что крепко спала. Она всегда спала хорошо, а иногда подолгу, часов по двенадцать, и наслаждалась, словно это такое занятие, как пойти гулять или приготовить что-нибудь вкусное. Есть она тоже любила.

Он рвал лист бумаги со словами про сомбреро, упавшее с неба, а она спала, и волосы тоже спали подле нее, длинные и темные.

Волосам снилось, как их очень старательно расчешут наутро.

Призрак

Он посмотрел на пол, на бумажные клочки, где говорилось о сомбреро, нипочему упавшем с неба, и от этого зрелища вдруг заплакал еще пуще.

С кем она спит? – думал он, а оба глаза помчались слезами, пытаясь вырваться вперед, внезапно понеслись наперегонки, обгоняя друг друга на щеках, будто у них тут Плачевная Олимпиада и их манят грезы о золотых медалях.

Он представил ее в постели с другим мужчиной. Мужчина, которого он сочинил ей в любовники, не имел четкого тела, или цвета волос, или даже черт. Ее воображаемый любовник был лишен костей, плоти или крови. Мужчина, которого он уложил с ней в постель, был силовая энергия призрака с пенисом.

Вероятно, если это возможно, он бы заплакал сильнее, узнай он, что она спит одна. Это бы его только больше опечалило.

Моряк

Куда он денет остаток ночи? Ноябрь, четверть одиннадцатого. Он не хотел смотреть одиннадцатичасовые новости. Не был голоден. Не хотел выпить. Знал, что, если попробовать почитать, книжные страницы поплывут в его слезах.

Поэтому он думал о том, как она трахается с кем-то другим. Думал о безымянном лице, другом мужчине, чей пенис входит в нее. Представил, как она стонет и ерзает под тяжестью члена другого мужчины. Такие мысли ему были ни к чему, но он цеплялся за них, словно тонущий моряк за доску посреди океана без горизонтов.

Затем он посмотрел на бумажные клочки под ногами. С чего бы сомбреро падать с неба? Разодранные бумажные клочки никогда ему не скажут. Он сел среди них на пол.

Стёрка

Японка спала дальше.

Юкико легла в постель ужасно усталая. У нее выдался тяжкий день. На работе она только и мечтала вернуться домой и лечь спать, а теперь так и есть: она дома и спит.

Ей снился крошечный сон про детство. Сон, который она не вспомнит, когда проснется утром, и вообще никогда не вспомнит.

Он исчез навсегда.

Вообще-то, он исчез, пока она его смотрела.

Стер сам себя, ей показываясь.

Дышать

Он с ней познакомился, когда сильно напился как-то вечером в Сан-Франциско. Она после работы с какими-то сослуживицами отправилась в бар. Она не любила пить, поскольку типично по-японски быстро напивалась, а кроме того, ей не нравилось, как алкоголь плещется в ее теле. У нее от этого кружилась голова.

Поэтому в бары она ходила нечасто.

В тот вечер она закончила работу и устала, но две сослуживицы уговорили ее пойти с ними в бар неподалеку, где тусуется молодежь.

Развернувшись на барном табурете, очень пьяный – не чуждое ему состояние, – и увидев, как она сидит в своей белой форме, он и знать не знал, что спустя два года сядет на пол среди бумажных клочков про сомбреро, упавшее с неба, и глаза его станут извергать слезы, будто горный ручей по весне, и пойти ему навсегда будет некуда, и жизнь его устанет им дышать.

Пригород

Юкико перекадилась на бок.

Вот так обыкновенно, вот так просто.

Тело ее в движении было крошечным.

И волосы последовали за ней – им снилась она, она движется.

Кошка, ее кошка, спавшая с нею, проснулась от движения и поглядела, как Юкико медленно ворочается в постели. Когда Юкико замерла, кошка вновь уснула.

Черная кошка – наверное, пригород ее волос.

Оригами

Он подобрал кучу бумажных клочков про сомбреро и высыпал в пустую корзину для бумаг, темную и совершенно бездонную, но белые бумажные клочки чудесным образом нашли дно и улеглись, слабо сияя в вышину, словно оригами наоборот, упокоенное в бездне.

Он не знал, что она спит одна.

Девушка

Должен же быть выход.

Потом он сообразил, что делать. Он позвонил по телефону девушке. Она сняла трубку и обрадовалась, что это он.

– Хорошо, что позвонил, – сказала она. – Может, зайдешь, выпьешь со мной на сон грядущий? Я бы хотела с тобой увидеться.

Она жила всего в четырех кварталах.

В голосе ее звенела романтика.

Годами они то и дело оказывались нечаянными любовниками, и в постели она была весьма хороша. Прочла все его книги и была очень умна, поскольку никогда о них не заговаривала. Он не любил говорить о своих книгах, и она ни разу ничего о них не спросила, хотя все они стояли у нее на полке. Ему нравилась мысль, что у нее стоят все его книги, но еще больше нравилось, что она его любовница вот уже пять лет и ни единожды о них не спросила. Он их писал, она их читала, и они то и дело довольно неплохо поебывались.

Она была не в его вкусе, но умела это компенсировать иными способами.

– Я бы хотела с тобой увидеться, – сказала она по телефону.

– Я приду через пару минут, – сказал он.

– Я кину полено в камин, – сказала она.

Теперь ему полегчало.

Возможно, все образуется.

Может, это не безнадежно.

Он накинул плащ и направился за дверь.

Вообще-то, ничего он не делал, он об этом лишь подумал про себя. Это все было понарошку. Он не касался телефона, и девушки такой тоже не было.

Он все глядел на бумажные клочки в корзине для бумаг. Он очень пристально их разглядывал, пока они корешились с бездной. Похоже, у них своя жизнь. Решение солидное, однако они решили жить дальше без него.

Мэр

– Чего это с неба падают шляпы? – спросил мэр.

– Не знаю, – ответил его родич.

Человек, который остался без работы, приглядывался, налезет ли шляпа ему на голову.

– Дело серьезное, – сказал мэр. – Дайте-ка я гляну на это сомбреро.

Он ткнул пальцем в шляпу, и родич тут же за ней наклонился, поскольку сам хотел однажды стать мэром, а если подобрать шляпу, это, возможно, обеспечит ему политическую поддержку в будущем, когда его имя попадет в избирательный бюллетень.

Может, мэр его даже рекомендует и на большом съезде скажет: «Я был хороший мэр, вы меня переизбирали шесть раз, но я знаю, что вот этот мой родич будет замечательным мэром и продолжит традицию честности и руководства в нашем обществе».

Да, подобрать сомбреро – отличная мысль.

От этого зависело родичево мэрское будущее.

Он же не идиот – ответить: «Сам подбирай. Да ты вообще кто такой? Меня на эту землю послали не для того, чтоб я тебе сомбреро подбирал».

Ягоды

День был жаркий, однако сомбреро оказалось ледяное. Коснувшись шляпы, родич мгновенно отдернул руку, словно потрогал электричество.

– Что такое? – спросил мэр.

– Сомбреро холодное, – ответил родич.

– Что? – спросил мэр.

– Холодное.

– Холодное?

– Ледяное.

Человек, у которого не было работы, уставился на сомбреро. На вид вроде не холодное. Хотя что он смыслит? Он же без работы. Наверное, будь у него работа, он бы увидел, что сомбреро холодное. Может, потому у него и нет работы. Он не узнаёт холодное сомбреро, даже когда оно у него перед носом.

Его пособие по безработице истощилось месяц назад, и теперь ему оставалось только есть ягоды, которые он находил у подножья окрестных холмов.

Его очень утомило есть ягоды.

Он хотел гамбургер.

Гамбургеры

В голове безработного мгновенно сложилась мысль. Сомбреро так и лежало посреди улицы. Мэрскому родичу не удалось его подобрать. Он попытался, но аж отпрыгнул, как будто его пчела укусила.

Сомбреро лежало.

Быть может, если безработный подберет эту шляпу и вручит мэру, мэр даст ему работу, можно будет перестать есть ягоды и питаться сплошными гамбургерами.

Безработный снова посмотрел на сомбреро посреди улицы, и рот его наполнился слюной, едва он вообразил вкус гамбургеров с горкой лука и лужей кетчупа.

Он такого шанса не упустит.

Может, его никогда больше не возьмут на работу, если он не подберет сомбреро и не вручит его мэру.

Что он будет делать, когда закончится ягодный сезон?

Очень жуткая мысль.

Никаких больше ягод.

Теперь-то он уже ненавидел ягоды, но лучше есть их, чем ничего. Что он будет делать, когда ягод не станет?

Возможно, это сомбреро, что лежит посреди улицы, – его последний шанс.

Карьера

– Я подниму вам сомбреро, мэр, – сказал он и наклонился за сомбреро.

– Нет, я подниму, – сказал мэрский родич, внезапно сообразив, что, если он сомбреро не подберет, мэства ему не видать.

Что это еще за безработный ублюдок хочет подобрать сомбреро и испортить родичу рывок на выборную должность? Может, сам хочет мэром стать? Да пускай сомбреро жуть какое холодное – родич не позволит этому сукину сыну подобрать сомбреро и стать мэром городка.

Что ж я его сразу-то не подобрал? – думал родич. Тогда бы ничего и не было. Ледяное сомбреро не кусается. Родича оно просто удивило. И все. Родич не ожидал, что оно будет холодное, вот и отпрыгнул. Кто мог подумать, что сомбреро окажется мороженым? Всякий бы удивился и отреагировал так же.

Внезапно родич возненавидел сомбреро за то, что выставило его идиотом. Надо вручить мэру это сомбреро, если родич желает когда-нибудь сам стать мэром. Вся его политическая карьера закончится прямо здесь и сейчас, если он не добудет мэру сомбреро.

Чертово сомбреро!

Работа

Увидев, что мэрский родич сильно жаждет сам подобрать сомбреро, безработный запаниковал. Он точно знал: не видать ему больше работы, если он не добудет мэру это сомбреро.

Зачем мэрскому родичу подбирать сомбреро?

Работа у него уже есть.

У него руки не заляпаны ягодами.

Веник

Сердечно разбитый американский юморист, разумеется, и не догадывался, что творится среди бумажных клочков в его корзине для бумаг. Он не знал, что у них теперь своя жизнь и они живут дальше без него. Он горевал лишь об утраченной японской любви. Думал позвонить ей по телефону и сказать, что любит ее, сделает все на свете, чтобы заполучить ее назад.

Он посмотрел на телефон.

До нее всего семь цифр.

Надо их только набрать.

И тогда он услышит ее голос.

Голос будет очень сонный, потому что американский юморист ее разбудит. Такой голос, будто из далекого далека. Например, из Киото, хотя она всего в миле, в районе Ричмонд, Сан-Франциско.

– Алло, – сказала она.

– Это я. Можешь говорить?

– Нет, я не одна. Между нами все кончено. Больше не звони. Он злится, когда ты звонишь.

– Что?

– Мужчина, которого я люблю. Ему не нравится, когда ты звонишь. Так что не звони больше. Ладно?

клик

И она повесила трубку.

Вешая трубку у него в голове, она спала одна с кошкой в постели. Она крепко спала. Она ни с кем не ложилась в постель уже месяц, с самого их разрыва. Даже на свидание с другим мужчиной не ходила. Только трудилась на своей работе, приходила домой, рукодельничала или читала. Читала она Пруста. Почему – не знала. Иногда заезжала к брату и его жене, и они все вместе смотрели телевизор.

После разрыва с американским юмористом у японки толком ничего не происходило. Занимаясь чем-нибудь таким, она много думала о своей жизни. Ей стукнуло двадцать шесть, и она пыталась различить перспективу. Где-то посреди этих двух лет, встречаясь с юмористом, она потеряла смысл своей жизни и чего она от жизни хочет. Юморист отнимал у нее уйму сил. Ей вечно приходилось подкармливать его неуверенность и неврозы своей уверенностью и психической стабильностью. После двух лет такой жизни она уже не понимала, кто она есть. Вначале она только и хотела жить с ним, рожать детей и наслаждаться нормальностью.

Его глубинное безумие ничего подобного не допустило.

После года вместе она поняла, что ей не полезно его любить, но понадобился еще год, чтоб она это прекратила, и теперь она очень радовалась, что все закончилось.

Порой она недоумевала, как же это она позволила, чтобы все так затянулось.

В следующий раз, когда влюблюсь, буду очень осторожна, говорила она себе. И еще она дала себе клятву, которую намеревалась сдержать. Никогда больше не станет она встречаться с писателем, каким бы чувствительным, обаятельным, находчивым или забавным он ни был. В конечном счете они того не стоят. Эмоционально чересчур затратны, чересчур сложен ремонт и уход. Все равно что завести дома пылесос, который все время ломается, а починить его может только Эйнштейн.

Она хотела, чтобы следующий ее любовник был веником.

Бар

Он посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. Он не мог ей позвонить, поскольку знал, что она с другим мужчиной: наслаждается его телом, тихонько стонет под ним... и любит его.

Его тело заштормило от исполинского вздоха, после чего он сел на диван. Он хотел разобратся. Она была мозаика из тысячи кусков, и они кувыркались у него в голове, точно в сушилке прачечной.

Какие-то мгновения голова его была одновременно прошлым, настоящим и будущим, и его мысли о японке формы не имели. Потом лейтмотивом горя начали всплывать ее волосы. Он всегда любил ее волосы. Он был как-то даже повернут на ее волосах. Мысли о ее волосах, какие они длинные, и темные, и гипнотичные, складывали кусочки мозаики, пока он не вспомнил, как с ней познакомился.

Два года назад, шел дождь.

В бары она ходила нечасто.

В тот вечер она закончила работу и устала, но две сослуживицы уговорили ее пойти с ними в бар неподалеку, где тусуется молодежь.

Он сидел в этом баре и ужасно тосковал. Он нередко ужасно тосковал и, не задумываясь, рассказывал другим людям, как ему тоскливо. Таскал эту мину с добродушием креста.

Развернувшись на барном табурете, очень пьяный – не чуждое ему состояние, – он увидел, как она сидит за столом с двумя женщинами. Все три в белом. Судя по виду, только что с работы.

Она была прекрасна.

Волосы собраны в узел на макушке, совсем по-японски. Она почти не притронулась к стакану. Слушала, как две другие женщины разговаривают. Одна разговаривала много и с наслаждением пила то, что перед ней стояло.

Азиатка была очень тихая.

Он на нее уставился, и несколько секунд она глядела на него, а затем опять стала слушать, что говорят женщины.

Может, она меня узнала, подумал он. Иногда женщины его узнавали – к его же благу. Его книги были очень популярны и продавались на каждом углу.

Он развернулся к бару и заказал еще выпить. Это надо обмозговать. Трезвым он очень стеснялся. Ему необходимо сильно напиться, чтобы клеиться к женщине. Попивая из стакана, он раздумывал, достаточно ли пьян, чтобы подойти к столику, где сидит азиатка, и рискнуть с ней познакомиться. Он обернулся, но она уже на него смотрела. Это его сбilo, и он опять отвернулся к бару, а уши его смущенно горели.

Нет, он недостаточно пьян, чтобы к ней клеиться.

Он поманил бармена, и тот подошел.

– Еще? – спросил бармен, глядя на всего лишь полупустой стакан.

– Двойной, – ответил юморист.

Лицо бармена не дрогнуло, поскольку он был очень хороший бармен. Отошел, принес виски. Когда он вернулся, юморист уже допил свой полупустой стакан. Через минуту двойной наполовину исчез. Юморист двумя глотками превратил его в одинарный.

Он чувствовал, как азиатка смотрит на него.

Она читала мои книги, подумал он.

Затем осушил стакан.

Виски как будто упал в бездонный колодец без единого звука. От виски не осталось ничего – только энергия, что подняла его из-за стойки, провела туда, где сидела женщина, и раскрыла ему рот:

– Привет, можно составить вам компанию?

Дышать

Две другие женщины оборвали разговор и посмотрели на юмориста.

Азиатка смотрела на него очень бережно.

Ни одна азиатка никогда прежде не смотрела на него так бережно. Глаза ее были темны и узки. Поскольку глаза ее были так узки, какую-то секунду он раздумывал, видит ли она столько же, сколько европеец. Мысль исчезла, едва он ее подумал, но за два года их с японкой знакомства возвращалась много раз. Просто временами он думал, всё ли она видит в комнате или где там они были. Может, она видит только 75 процентов того, что происходит.

Такая мысль – в самый раз для ребенка.

У него не было никакого опыта с азиатками, он их только видел в Сан-Франциско. Чайна-таун, Японский квартал и т. д. Ни одна из них на него очень бережно не смотрела. И еще что-то было в ее глазах – он уже видел это в глазах других женщин, когда те смотрели на него.

Он знал, что это.

Он чуточку расслабился.

– Прошу, – сказала она.

И тогда он сел.

По ее глазам он видел, что все сложится. Она стала дышать чуточку иначе. Она задышала немного быстрее. Он обрадовался, когда ее дыхание ускори-лось.

Подошла официантка, и он всем заказал выпить. Затем все за столом познакомились.

Она была японка.

Юмор

Двум другим женщинам он не понравился.

Они его книг не читали. Это многое меняет, когда с ним познакомишься. Он не красавец. Личность симпатичная, только слишком чудная. Он позволял настроениям управлять собой, а настроения были весьма переменчивы. Порой он болтал без умолку, а порою рта не раскрывал. Он всегда болтал без умолку, если напивался. А когда не напивался, он очень стеснялся и официальнойничал с людьми, и познакомиться с ним было непросто. Одни думали, что он само обаяние, другие – что он полный мудака. Истина помещалась где-то в промежутке – можно сказать, на полпути.

Как юмориста его знали по всей стране, что само по себе смешно, поскольку, едва с ним познакомишься, первым делом замечаешь, что у него нет чувства юмора.

Когда остальные над чем-нибудь смеялись, он обычно терялся. Иногда очень умные люди считали, что это само по себе смешно, и после первого раза смеялись второй, отчего юморист всегда терялся еще больше, а потом ужасно смущался. Он был очень восприимчив, но вот этого в жизни постичь не мог. Ему и в голову не приходило, что люди смеются над ним, потому что у него нет чувства юмора. Он думал, что очень смешной, поскольку у него смешные книги. Не знал, что часто растерян, когда люди вокруг смеются. Рационально он мог отмахнуться от такого явления, решив, что другие смеются над какой-то своей тайной шуточкой.

Отсутствие чувства юмора – одна из величайших его слабостей. Он бы радовался жизни чуть больше, если б мог над ней смеяться.

Ах да, и вот еще что любопытно: когда он писал все то, что люди потом объявляли едва ли не лучшим юмором столетия, он совсем не смеялся. Даже не улыбался.

Двум другим женщинам он не понравился.

Тем лучше для них.

Тем хуже для японки.

Ей он понравился.

Будущее

– Я подниму вам сомбреро, мэр, – сказал безработный и наклонился за сомбреро. Ему выпал последний шанс получить работу на этой планете, а в Бога он не верил. Ничего личного, просто он знал, что на небесах ему должность не припасли, поскольку никаких небес не бывает.

Это сомбреро посреди улицы – его последняя надежда.

– Нет, я подниму, – сказал мэрский родич, внезапно сообразив, что, если он не подберет сомбреро, мэрства ему не видать. Не видать политической карьеры. Президентство Соединенных Штатов ему не светит. Не толкаться ему среди больших вашингтонских боссов и на Четвертое июля не толкать речь здесь, в городке.

Сомбреро – ключ ко всему будущему родича.

Мэра позабавило, как закипели вдруг страсти у этих двоих, желающих ему угодить, хотя мотивов их не постигал. Мэр был великим захолустным политиком.

– Нет! – заорал безработный. – Сомбреро подниму я!

– Не тронь сомбреро! – заорал в ответ родич.

Два человека, наклонившиеся за сомбреро, вдруг замерли, пораженные собственным рвением, и хорошенько друг в друга вгляделись.

Мэр собрался было сказать: «Вы оба, ну-ка прекратите. Что с вами такое? Вы что, идиоты? Это же просто сомбреро».

И тогда бы все тут же закончилось. Вот как проста жизнь; не пришлось бы вызывать Национальную гвардию, вводить десантников и танки наряду с ВВС для поддержки с воздуха. Не случилось бы той речи, что Президент зачитал по телевизору, порицая события, которым предстояло иметь место, и особый комитет по странам третьего мира в Организации Объединенных Наций не денонсировал бы США.

Но главное, не случилось бы всемирной боеготовности у Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик.

Вот именно – мир не оказался бы на грани ядерной катастрофы, скажи мэр: «Это же просто сомбреро. Стойте смирно. Я его сам подберу, даже если оно ледяное. Сомбреро не кусаются».

Замók

Спустя час американский юморист так нервничал, что не мог ключом открыть дверь в свою квартиру. Так нервничал, что почти протрезвел. Он поверить был не в силах, что эта прекрасная японка стоит рядом в коридоре его дома, ждет, когда он откроет дверь, а потом войдет вместе с ним в квартиру.

Она стояла очень терпеливо и смотрела на него.

Что-то приключилось с замком.

Невероятно.

Чертov ебаный замок! Почему сейчас? Почему я?

Такого прежде не бывало.

– Замок, – сказал он, скребя ключом несообразно ситуации.

Японка ничего не сказала. От этого стало только хуже. Лучше бы она сказала что-нибудь. Он тогда не знал: она что-нибудь говорила, лишь когда было что сказать. Тогда она становилась прямолинейна и весьма членораздельна. Светских бесед она не вела.

Но она была очень умна, с замечательным чувством юмора – просто разговаривала мало. Когда вокруг были другие люди, они всякий раз удивлялись, потому что она могла и слова не произнести за целый вечер. Она говорила, лишь когда ей было что сказать. Она очень умно слушала, кивала, качала головой, если говорилось что-то умное и тонкое. Всегда смеялась в подходящий момент.

У нее был красивый смех – точно дождевая вода льется на серебряные нарциссы. У нее был такой приятный смех, что люди любили говорить при ней смешное.

Когда кто-нибудь разговаривал, ее очень узкие понимающие глаза смотрели ему в лицо и слушали так, будто он – единственный звук в мире, будто все, что звучало, совершенно кануло из человеческого уха и остался только этот голос.

Не говоря ни слова, она мягко взяла ключ из его руки. Так они впервые коснулись друг друга – крошечный жест, ключ перешел из руки в руку. Ее рука была мала, но пальцы изящные и длинные. В руках ее обитал невероятный покой.

Юморист не прикасался к ней в баре и по пути в квартиру. То было первое из миллиона касаний. Она нежно и точно вставила ключ в скважину. Повернула. Дверь открылась. Она вернула ему ключ, и руки их соприкоснулись второй раз. Ему казалось, сердце его продолбит себе дорогу из тела. Ничего эротичнее с ним в жизни не случилось.

После разрыва он пережил краткий период мастурбации. И тема его мастурбации была – как японка бессловесно забирает ключ из его руки, открывает дверь, а потом вкладывает ключ ему в руку.

Он кончал, когда она, открыв дверь, вкладывала ключ ему в руку. А потом лежал в постели, и лужа спермы диковинным Саргассовым морем бултыхалась у него на животе. Он так делал раз пять или шесть. А потом бросил, потому что понял: так можно жить до скончания веков, и тут-то ему и настанут кранты. Он знал, что у жизни всегда конец несчастливый, но такого финала себе не желал.

Лучше пулей вышибить себе мозги, чем завершить свою жизнь мастурбирующей сёдзи².

Однажды он проплакал всю ночь, час за часом, потому что хотел мастурбировать. Больше всего на свете хотел мастурбировать на нее, как она забирает ключ, отпирает дверь и возвращает ключ ему. Наконец плач его изнурил, однако он не мастурбировал. Пришлось остановиться, как бы ни было больно, потому что иначе ему настанут кранты. Один раз сквозь слезы

---

² Сёдзи – сдвижные полупрозрачные перегородки в традиционном японском доме.

он различил видение собственного надгробия – как бы оно выглядело, если б он не перестал мастурбировать на касание ее руки, памятное изъятие и возвращение ключа:

Американский юморист
1934–2009
Покойся с миром
Он больше не сдрочит

Квартира

– У тебя приятная квартира, – сказала она. Сказала так, словно это очень важно. Он удивился. Заново оглядел квартиру – может, что-то пропустил за те пять лет, что жил здесь, – но квартира ничуть не изменилась.

– Спасибо, – ответил он.

Больше она ничего не сказала и села на диван.

Он думал, она еще что-нибудь скажет. Он так думал нипочему, но все равно думал. Он потратил массу времени, думая о том, что никогда ни к чему не приводило. Нередко голова его из-за простейших вещей становилась как попкорновый автомат.

Она не сказала ни слова.

Он посмотрел на ее рот. Маленький, нежный, как и все ее черты. Кожа почти белая. Некоторые японцы – очень бледные. Она была такая. Он снова подумал, всё ли она видит в комнате сквозь такие узкие глаза.

Она видела всё.

Потом он задал ей вопрос, на который уже знал ответ, но все-таки спросил, потому что становился увереннее с женщинами, когда задавал этот вопрос и они отвечали, как он предполагал.

– Вы читали мои книги?

Он ждал, что она ответит «да». У него в голове ее голос произносил «да». У нее очень мелодичный голос. Ему было бы приятно, если б она сказала «да». Он бы тогда стал увереннее.

Когда она, не отводя от него взгляда, очень коротко, но изящно кивнула, он совершенно ошеломился. Он чего угодно ожидал от нее, только не этого. У него не было запасного плана. Он лишь стоял и смотрел на нее. Все мысли удрали из головы, точно грабители, что в Депрессию улепетывают из банка. Пока он так стоял, до того как что-то случилось, прошло, кажется, десятилетие.

Она подняла руку, отдохавшую на колени, и длинным белым пальцем коснулась подбородка. Лицо не изменилось. Палец провел по подбородку, а затем рука снова легла на колени.

С тех пор как японка села на диван, она ни единожды не отвела от юмориста глаз.

Ни одна женщина прежде не смотрела на него так долго. Он был не красавец, но она так смотрела, что ему отчего-то казалось наоборот.

Дюймы

– Я сам подберу сомбреро, – наконец сказал мэр, но опоздал.

– НЕТ! – в один голос сказали мэру его родич и безработный.

Ни в коем случае не хотели они, чтобы мэр подбирал сомбреро. Их карьерам придет конец. Едва мэр притронется к сомбреро, их жизнь лишится надежды. Никакого будущего. Один никогда не станет мэром, другой никогда не найдет работу.

– Я сам подниму сомбреро, ваше Превосходительство, – сказал родич. – Я и вообразить не могу, что вы станете наклоняться и подбирать эту шляпу. Я сам подберу. В конце концов, вы же наш достопочтенный мэр. Вам не стоит этим заниматься. У вас есть дела поважнее.

И он разразился речью.

Быть может, он стал бы хорошим мэром и отличным Президентом Соединенных Штатов, а историки поместили бы его где-нибудь между Томасом Джефферсоном и Гарри Трумэном³. Да уж, у родича имелся потенциал.

Увы, он отвел глаза от безработного, который дюйм за дюймом медленно подвигался к сомбреро. До начала родичевой речи они были от сомбреро на равном расстоянии. Теперь безработный получил фору в девять дюймов.

Мэрскому родичу требовался менеджер, чтоб заботился о его интересах, пока родич толкает речи. В такой ситуации важно не проиграть девять дюймов своего будущего. Разумеется, риторика насущна, если только за нее не лишаешься территорий. Это неравноценный обмен, если все твое будущее зависит от подбирания сомбреро, а ты проиграл девять дюймов, пока болтал.

---

³ Томас Джефферсон (1743–1826) – 3-й президент США (1801–1809), один из отцов-основателей государства. Гарри Трумэн (1884–1972) – 33-й президент США (1945–1953), один из инициаторов холодной войны.

Книги

– Мне нравятся ваши книги, – сказала она. – Но вы это уже знаете.

Это его огорошило. Он стоял и глядел на нее. Ждал, когда она еще что-нибудь скажет. Она не сказала. Только улыбнулась. Она так тонко улыбалась – Мона Лиза казалась клоуном, что нарочно хлопнулся на ковер.

– Хотите выпить? – спросил он, вдруг вынырнув из психического пике. Не дожидаясь ответа, отправился на кухню и раздобыл бутылку бренди и два стакана. Бренди он раздобывал лишние несколько секунд, потому что стоял в кухне, размышляя, как поступить дальше.

Ему очень хотелось лечь в постель с этой тихой и прекрасной японкой, чудесным манером сидевшей на диване в его квартире. Он-то воображал, что такого не бывает. Как может у него с ней получиться? Он думал, соблазнить ее – это такая экзотическая головоломка.

Фрагменты облаками плавали у него в голове, но он не мог сложить хотя бы пару. Что ему делать?

Внезапно он очень загрустил, и безнадежность разогнала облака в голове. Он вздохнул и вернулся в комнату.

Японка сняла туфли и носки, сидела на диване, грациозно подогнув ноги, и в медитативности ее позы была чувственность. Как будто чувственность летним ветерком оведала ее тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.